Анастасия МИРОНОВА

Апокриф о Павле

Об одноимённом романе Светланы Чураевой

Прозаик, заместитель главного редактора журнала «Бельские просторы» Светлана Рустэмовна Чураева представила читателям свою, отличную от каноничной, версию текста Священного Писания, являющуюся одним из самых неоднозначных современных произведений религиозной тематики – «Апокриф о Павле». Стоит заметить, что тема веры – одна из самых сложных в литературе, здесь легко запутаться даже человеку посвящённому, не говоря уже о малограмотных в этом вопросе людях, которые, пусть и читали Библию, всё же имеют весьма пространное представление о подлинном смысле учения Христа, так как для того, чтобы понять, нужно стараться жить согласно этому учению. Трактовка религиозных текстов подобна огромному зданию с множеством входов и выходов: открывая дверь, сталкиваемся с новой закрытой дверью, ведущей ещё куда-то; истина всегда где-то рядом. Так и версия Чураевой является попыткой донести до читателя свою трактовку истины, основного смысла оставленного нам Завета.

Бесспорно, Чураева прекрасно владеет литературным слогом; она управляет словом, а не наоборот. Все образы, события, описания, вплоть до мельчайших деталей, тщательно простроены. Нет сюжетной линии, которая бы шла «на авось», «абы как». Автору удаётся находить ёмкие, исчерпывающие, точные формулировки: «но горе истинно праведному – протухло время, в котором мы живём» и т.п. (примеров достаточно много). Эти образы настолько полно и ясно раскрывают те или иные явления, что перед читателем предстает картина описываемых событий.

Однозначно писателю удалась диалоговая часть, передающая отдельные ситуации, в которых оказались персонажи. Например, сцена с варварами (которая здесь попадет в цель – читателю приоткрывается истина) динамична, интересна, а главное, – убедительна, правдива. Действительно, Бог не с зазнавшимися гордецами (которых представляет Савл), а с простыми людьми, умеющими принимать жизнь такой, какая она есть, радоваться, шутить, любить, не возводя себя на пьедестал. В малом они находят счастье. Каждый день приносит им что-то новое, и они благодарны Творцу за возможность жить в этом мире. Пусть варвары грязные, плохо одеты, кажутся главному герою грубыми и неотесанными, на самом деле эти странные люди ближе к Богу, чем он.

Сцена с царем Аретой также удалась Чураевой. У царя своя, весьма специфическая точка зрения на рождение, любовь и смерть. Конечно, в целом суждения царя неверны, но с его колокольни, в ракурсе его положения он всемогущ по отношению к Савлу, который в бессильной злобе не может дать уверенный отпор красноречивому оппоненту. И здесь мы видим, как мало Бога в герое, как провокационно и вооружено аргументами зло, глаголющее устами Ареты, противостоять ему возможно только истинной верой.

Реакция прихожан синагоги на первую проповедь Савла (здесь прослеживается отсылка к эпизоду священного текста, когда апостолы, будучи исполнены Духом Святым, впервые вышли на улицы проповедовать, а горожане их не понимали, принимая за пьяных, говорящих на разных языках) воспроизведена достоверно, и оттого воспринимается читателем как видение писателя, имеющее место быть в реальности, вполне гармоничное и оправданное, в котором сокрыт смысл: в одних только словах нет истины.

Своеобразно мнение автора о бессмертии избранных. Мученик Стефан, забитый камнями, на самом деле не умирает: он воскресает из мёртвых и живёт вечно, как Иешуа и немногие настоящие Его последователи. Невольно возникает вопрос: а что, если действительно ученики Христа обрели материальное бессмертие? Что, если они, подобно своему Учителю, вознеслись на небо во плоти?..

Описания мальчика-язычника, еврейского народа и его религии (удивительно меткое), арабов, путешествующих в пустыне, негра с кувшином, города Дамаска с его жителями составляют колоритную картину. Автор превосходно выразил «народный дух», изобразив обычных людей, живущих своей жизнью, спешащих по своим делам и на первый взгляд непримечательных. Однако если читать внимательнее, то понимаешь, сколько мудрости они могут открыть. И автору определённо удалось через отдельные ситуации передать часть истины. Как ценный клад, который писателю, подобно его героям – варварам-искателям, удалось раздобыть, выглядят следующие строки:

«Что есть богоизбранность? Ты, одарённый вдесятеро, лучше ли прочих? Нет, ты вдесятеро отвечаешь перед Богом своим».

«Так вкушаем мы горечь познания после соли наших печалей».

«Страх порождает злобу».

«Нет чужой беды! Мы – одно тело. Ударишь одного, больно всему миру».

«Все хотят власти <…>, не понимая, что высшая власть у Бога».

Этим исчерпываются основные положительные моменты авторской истории апостола Павла. Если в части литературной составляющей (передачи «гласа народа», некоторых интересных мыслей, состояний персонажей и общей композиции) писатель продемонстрировал мастерство, то религиозная составляющая явно «проседает». Как уже отмечалось ранее, Чураева не пересказывает текст Священного Писания, придавая ему форму художественного произведения, а рисует иное представление о жизни и служении апостола Павла, впрочем, как и многих других святых. Поэтому читателю, особенно знакомому с Евангелием и Деяниям апостолов, остаётся только удивляться: почему и зачем автор искажает образ великого святого?

Поначалу непонятно, как трусливый, слабый духом, погрязший в мелочной гордыне, низменный человек, который, несмотря на браваду о служении Богу, на самом деле служил себе («справедливо, что ему, Савлу, благочестивому и благонравному, – почёт»), мог стать миссионером и посланником Слова Божьего? Ведь сильная натура не произрастает на пустом месте. Если бы это было так, то и фарисеи смогли бы стать проповедниками Христа. Читая далее, понимаешь, что автор никоим образом не соотносит свою историю с библейскими текстами. Стало быть, и будущее Павлу уготовано совсем иное, не то, каким оно представлено в Писании: широкая география проповедей, основание церквей, написание нескольких посланий; постоянный, изматывающий труд праведника, несущего Божью весть и избавление от болезней, порождённых грехом; казнь в Риме. Автор сохранил лишь «остов» образа Павла: внешность, происхождение, род занятий. Идейная часть переосмыслена писателем.

Конечно, автор имеет право выразить свой, особенный взгляд на события, описанные в Библии. Но здесь даже не сами по себе глупая рыжая дева Мария, завистливый и малодушный Иаков, брат Иешуа, в страхе оставляющий товарища на растерзание толпы, апостол Павел, ничтожный в поисках Бога, вызывают возмущение. Нет! После прочтения возникает ощущение, будто дали соль, сказав с абсолютной уверенностью и серьёзностью, что это сахар. «Но, как же сахар, если на вкус это соль?!» – «Это не соль, это сахар», – продолжает утверждать голос. Тут, словно за кадром, между строк говорят: «вкус у всех разный». И никак невозможно доказать обратное настойчивому голосу, несмотря на ощущение обмана. Искажение понятий – вот что возмущает, разбивает общую гармоничную картину и создает вокруг себя многочисленные противоречия.

Во-первых, изображение апостолов (за исключением Варнавы). Автор рисует их лживыми вестниками Неба. По сравнению с ними язычники со своей жуткой, на первой взгляд, религией выглядят гораздо мудрее, добрее и справедливее. В «Иуде Искариоте» Леонида Андреева апостолы – это обычные люди с недостатками, нерадивые ученики своего умного и доброго, так и не понятого ими учителя, не претендующие на святость (многие из них разительно похожи на библейских апостолов до того, как на них сошел Дух Святой). В «Апокрифе о Павле» апостолы – посланники Слова Божьего, однако они проповедуют то, во что сами не верят. В душе, в сердце своём оставаясь маловерными, соблюдают формальные правила веры в Христа. Но как возможно, чтобы без энтузиазма, живой энергии, твёрдой уверенности в полезности своего служения они заставили поверить в то, чего никто не видел, тысячи людей? Такие апостолы даже к соседу побоялись бы идти с проповедью, не говоря уже о публичных выступлениях. Неужели религия, существующая более двух тысяч лет, разделившая исторические эры, проповедовалась столь равнодушными к своей вере, слабыми людьми? В связи с этим позиция автора выглядит противоречивой: Бог есть любовь, но пророки, пришедшие на Землю, апостолы, ближайшие последователи Христа на самом деле обманывали нас.

Во-вторых, вызывает удивление упоминание о «равенстве Богу». Здесь стоит привести отрывок из книги:

«– Не бойся! Не все попадают к Хель (образ смерти – *А.М.*). Многие живут мирно, как травы и камни. Как деревья и звери. Они торгуются с Богом, говоря: я тебе – жертву, ты мне – удачную жатву. Я тебе – хлеба, ты мне – урожай. Я тебе – крови, а ты убей моего врага. Они заключают сделку и спокойны, если соблюдают свои немудреные правила.

– А смерть?

– Что им смерть? Они живут, как травы, и высыхают, как травы, рассыпая вокруг себя семя и перегнивая в землю. Они – часть растительного мира, и он не отвергает их. Можно и так жить, Павел.

– Но можно?.. – возразил Павел. – Ведь можно иначе?

Голос помедлил, усмехнулся. Возня, шаги в темноте, бряцанье золота, клада и железа цепи отдалились – бессмертные уходили, закончив свои дела.

– Можно просто стать равным богам.

– Кто ты, господин мой? – тихо спросил Павел.

– Я – Иисус, которого ты гонишь».

Стать равным Богу? Так просто? Но разве не за это были изгнаны Адам и Ева из рая? Вспомним, что сказал Змей Еве, предлагая запретный плод: «И вы будете, как боги». Перед распятием во время молитвы в Гефсиманском саду Христос обращается к Богу: «О, если бы Ты благоволил пронести чашу сию мимо Меня! Впрочем не Моя воля, но Твоя да будет!» *(Лк 22, 42)*. Спаситель подчёркивает: «Твоя да будет Воля!». Какая может быть речь о становлении равным Богу? У Чураевой торговля с Богом и возможность жить, «как трава», то есть быть тленным материально и по мыслям своим, противопоставляются жизни бессмертных, равных Богу. Но разве все мы – не рабы Божьи? Почему же голос отсекает всех прочих? Почему смертные обязательно должны торговаться с Богом? Что это за особое право бессмертных – быть выше других чад Божьих? Ведь в каждом человеке есть образ Божий. Откуда в суждениях автора столь явное указание на неравенство? Разве Бог не есть Любовь, как утверждает впоследствии сам автор?

В-третьих, в «Апокрифе о Павле» утверждается, что «справедливость не терпит милосердия и любви». Советский педагог В.А. Сухомлинский говорил: «подлинная гуманность означает, прежде всего, справедливость». Гуманность как одно из важнейших следствий любви, неотделима от справедливости. Неужели можно любить и быть несправедливым? Писатель же показывает, что у каждого – своя справедливость: справедливость Савла – уничтожение христиан ради блага народа, справедливость язычников – приносить жертвоприношения Богу, чтобы Его умилостивить и т.п. Но не бывает «твоей-моей» справедливости, она, сродни истине, одна. То, что автор называет справедливостью, на самом деле является выражением собственного видения героев.

Четвёртый момент, вызывающий неприятие, связан с тем, что размышления Каиафы приписываются Савлу. В оправдание гонений на христиан главный герой отвечает голосу: «Я боялся смуты, грозящей иудеям многими бедами. Что было делать с неразумными, дразнящими римлян?». Почему автор здесь выдает опасения первосвященника о возможной смуте и последующей за ней расправе римлян над всем иудейским народом за мысли Савла? Зачем эта подтасовка персонажей? На первый взгляд, может показаться: велика ли разница? Но если вдуматься, мотивы, движущие Каиафой и Савлом в осуществлении гонений на христиан, обнажают пропасть между ними. Библейский Павел как ревностный последователь Воли Божьей, думал, что, борясь с ересью, он исполняет Закон Божий. Он видел себя орудием Всевышнего. Тем не менее, будучи ещё Савлом, он постоянно пребывал в поисках Бога, и об этом написано в Священном Писании. Павел был слеп, но не глух, в отличие от Каиафы и фарисеев, которые в глубине души чувствовали, что Иисус – человек Божий, и всё равно отвергали Его. Вот почему Господь обратился к Савлу, но не обратился к Каиафе. Вот почему кажется маловероятным превращение Савла Светланы Чураевой, рассуждающего, как Каиафа, в апостола Павла.

На протяжении всего повествования мы видим, как герой, пребывая в поисках Бога с того момента как он услышал голос Христа, испытывает постоянные мучительные сомнения. Ему кажется, что он обнаружил истину, но истина каждый раз отдаляется от него. Он отказывается от Бога Иудейского и принимает Бога-Христа. Посреди бескрайних песков, в одиночестве, он словно прозревает. «Павел был счастлив, в нём не осталось ни боли, ни голода, ни страха. <…> Потому что, когда ушли боль, голод и страх, стало свободно любви. Она не теснилась больше на дне сердца, она жила в Павле, и значит, Господь не оставил его». Он испытывает радость, созерцая творения Господа, и, казалось, истина близко, но, вернувшись в Иерусалим, герой снова впадает в сомнения:

«По образу и подобию своему… По образу и подобию своему создал Ты человека. Таков ли Твой образ: бессмысленные сопливые рожи, изуродованные ишачьим смехом? Реденькие гнилые зубки в воняющих пищей ртах? Или в тех, у деревни, различимо подобие Твое? Может быть, в той толстомясой бабе, что с тупой важностью мочится за сараем, раскорячившись по-коровьи? <…>

Где ты, Господи? Как без Твоей любви пережить мне это отвращение к подобию Твоему, обгаженному веками? Видно, вправду близок конец времен, ливень, смоющий неудачу Творца. Огонь, что испепелит уродливые тела, не сохранившие искру Божью».

Неужели человек, испытавший столь глубокие потрясения, остался так далёк от истины? Что плохого в естественном («не то, что входит в уста, оскверняет человека, но то, что выходит из уст, оскверняет человека» *Мф 15:10*)? Как он может судить о неудачной попытке Творца?

Зачем автор доходит в описании низменного почти до постмодернизма? Даже имя Павла, содержащее в себе указание на преображение, писатель марает замечанием: «так называла его тщеславная мать». Зачем автор вводит в повествование «помехи» внешнего мира (разговор путников), когда Христос говорит с Савлом? В произведении Дмитрия Филиппова «Сын Человеческий» используется похожий «животный» символизм. Неужели и здесь нельзя было обойтись без него?

Светлане Чураевой не удалось отобразить масштаб личности апостола Павла. А ведь было бы очень интересно проследить его путь от Савла заблуждающегося до Павла прозревшего, созидающего. Но, прочтя книгу до конца, понимаешь – так проще. Написать нечто грандиозное, когда имеются только такие источники, как сохранившиеся тексты Писания, – невероятно сложная задача, уравнение с несколькими неизвестными. Однако то, что, возможно, многие читатели хотели бы увидеть, так и не произошло. Истина ускользнула от автора, и мы увидели лишь её обратную сторону.

Павел не прозрел. Он только повзрослел, избавился от инфантильности. Утверждение «он любил людей и лечил их словом любви» кажется неубедительным на фоне сомнений героя («Павел устало закрыл глаза: как хорошо было бы никогда больше не видеть людей, нет ничего в мире более мерзкого, чем люди»), и звучит, как формальная констатация факта. Писателю не удалось показать вполне убедительно этапы преображения героя (за исключением сцены в пустыне). Описания заблуждений более правдоподобны и ярче окрашены эмоционально, чем описания минут прозрения. Возможно, автору не хватило объёма для более полноценного описания трансформации героя. В противовес образу Павла можно привести образ Варнавы, который получился цельным. Степенный мудрый Варнава не торопится, не спорит, а спокойно, с интересом первооткрывателя, изучает происходящее вокруг. Он сердцем воспринял то, что Павел не смог почувствовать.

Главный герой приблизился к истине, но так и не обрёл Бога. Он увидел, что нет любви в людях, а значит, нет среди них и Бога. Нет любви и в Павле. Ныряльщик, долго искавший заветную жемчужину, открывает раковину и обнаруживает, что там – пустота, – таковы и поиски истины и Бога главного героя. Почему он больше не слышит Его голос? Почему люди одни? Бог в «Апокрифе о Павле» – словно бездушный истукан язычников. Молчаливые небеса простираются над нами. И бесполезно настраивать свои аналоговые антенны на цифровой сигнал. Если нет любви в людях, то неудивительно, что они не видят и не слышат Бога. Вот что понял главный герой. Он рассказывает жителям о любви («Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я – медь звенящая, кимвал звучащий»), но они не понимают его…

Ощущение безысходности доминирует во многих произведениях современных прозаиков. Однако иногда, несмотря на гнетущее чувство, которое испытывает читатель, автор всё же оставляет надежду главному герою (например, так происходит у Юрия Фофина в «Драмомании»). Но после прочтения произведения Чураевой беспросветной стеной наваливается осознание: надежды нет.

Александр МЕДВЕДЕВ

Новое гнездо феникса

О книге стихов Романа Круглова

Без доли усилия скороговорка реки
Опишет мыски и мостки
И то, что не стоят неловкие слов завитки
Движенья руки.
Роман Круглов

Слова – источник заблуждений. Они, слово за слово, – заводят в тупик общих мест, того, о чём слышал, читал, в иллюзию «ну и так далее», где дали собственно быть не может. Поэтому слова – это то, с чем вступает в отношения поэт, его слова относительны, ибо, следуя назначению языка, передаче знаний о вещах, он волей-неволей передаёт нечто как бы сверх того, эмоцию и некую объективность, незамутнённую мгновенной эмоцией.

Книга стихов Романа Круглова «Двигатель внутреннего сгорания» воспринимается «романом» в виде «дневниковых записей», «рассказов» героя, занятого отсечением условностей, избегающего уловок, добывающего энергию для существования в режиме неразрешимых проблем утончённостью и уточнением смыслового потенциала слова. Автор полагает, что в этом процессе направленность «вовнутрь» естественнее направленности «вовне»: мир – зеркало, куда ни глянь, «В случившемся узнаешь с дрожью / Свои ожившие мечты». Действительно, человеку культуры известно об этом мире, если не всё, то очень многое, отсюда так трудно ему бывает вдохнуть в известные вещи вещественность подлинного знания. Круглов отдаёт себе отчёт, что трудно удивить правдоподобием, скорее, удивишь чем-то буквальным, изъятым из жизни и рассмотренным в неожиданном освещении. Это тоже уловка, но здесь уже дело героя убеждать относительной неожиданностью. Впрочем, герою достаточно собственного удивления поворотами тела, определяющими видение мира.

Мы вдвоём лежим без движения:
Придавил тишины валун.
«Слышь, вернётся она, наверное», –
Шепчет губ моих отражение
В брызгах зеркала на полу.

Ключом «Двигателя внутреннего сгорания» можно назвать тело, оно же цель (telos – греч.), погружаемое в мир отсечённых условностей и уловок, где герой, «живущий в яви и таящийся во сне», становится Гулливером – одержимым самим собой великаном и лилипутом, философом и (само)обманщиком. Раздвоение происходит в самый момент рассказывания: естественное желание комментария грозит приглушением поэтического начала, непреклонность отстранения провоцирует череду интерпретаций, возможно, неожиданных и для героя, и для автора. Параметры тела образа заявлены определённо, но это лишь повод повесить на него мишень и под предлогом точного попадания в неё поразить тело, принудить образ к метаморфозе, чтобы из утки, пронзённой стрелою Иванацаревича, выскочил заяц.

Превращаюсь
в твёрдый кокон
С недобабочкой внутри.
Каплет из поблекших окон
Мёртвая вода зари.
Только тьма не убывает.
Ни ожить, ни околеть.
То, что нас не убивает,
Делает из нас калек.

Образы внешнего мира в «Двигателе внутреннего сгорания» не рассматриваются автором сами по себе, все они осколки зеркала, в которое смотрится герой.

То, что подлинно,
то не прошлое;
Не в мечтах оно, не во сне –
Запредельное, внеположное,
То, что было в тебе и мне,
Растворено ныне
и спрятано
В позапрожитом нами дне –
Незапятнанном,
незапамятном,
В его небе, земле… воде…

Земля и небо – подоснова переживаний, они место пересечения стихийного порыва, мысли, культуры и живого опыта поэта. Именно опыт – любви, одиночества, боли «пересеченья линий параллельных» – помогает поэту находить художественное применение метаморфозам представлений, вне его зеркало поэта затягивает мутный налёт мастеровитого нарциссизма.

Искушённый в размерах, ритмах и рифмах Роман Круглов придерживается убеждения, что внешние достоинства стихотворения не произведут должного впечатления на читателя в отсутствии искренне высказанного чувства.

«Двигатель внутреннего сгорания» – книга цельная, но это не выползок, сброшенная змеиная кожа, после которой автор мог бы произнести народное «как змея из кожи уходит, так и я от невзгод уйду» и приступить к написанию новой, – нет, по степени искренности эта книга – «живьём содранная кожа», и, очевидно, потребуется время «залечивания ран».

Тонкая грань отделяет искренность явленной в стихах боли от любования ею. В «И никто, конечно, не поможет. / Да и сам ты этого не ждёшь» угадывается реминисценция «И никто нам не поможет / И не надо помогать» Георгия Иванова. Это даёт повод вспомнить, что чувство гвоздя в сапоге как единственный повод к творческому высказыванию есть нормальное возрастное состояние поэта, которое проходит и поэту открывается высказанная ещё Аристотелем истина, что объект поэзии это люди, совершающие поступки. Формула не столь узка, ведь поступки – это принявшие форму переживания, и они то же творчество, пронизывающее мир, видимая часть жизни, внешнее, дающее пищу внутреннему.

Книга Круглова – «роман» о переживаниях своеобразной тонкой души, сгорающей, но не лишённой возможности возродиться, готовой, покинув клетку замкнутого тела-образа, увидеть мир в полёте.

А было хорошо… И всё же
Жизнь – будто где-то вдалеке,
Как проигрыш в наивном сонге
На пустяковом языке,
А я – заслушался… И солнце
Сквозь волосы, и на реке
Слегка рябит, и светлый Павловск
Дрожит в живом черновике.
Песок бежит, как жизнь, сквозь пальцы.
Осталось стёклышко в руке.

Спинозой ли, шлифующим скороговоркой реки увеличительные стёкла, звездочётом, микробиологом или Коровьевым в треснувшем пенсне предстанет в будущем герой Романа Круглова, не столь важно. Вероятно, он уживётся в любом теле, выдержав накал искренности, созданный автором в «Двигателе внутреннего сгорания».

Сквозь свечек

О книге стихов Екатерины

В книгу Екатерины Дедух «Погружение» вошли стихотворения 2016 года. Такое пояснение в аннотации напоминает ремарку: «В основу фильма легли реальные события» – с целью повысить степень доверия зрителя. Авторы, вероятно, не без основания допускают в каждом зрителе существование виртуального Станиславского с сакраментальным «Не верю!». Относительно книги Екатерины Дедух, по крайней мере, доброй её половины, читатель вряд ли усомнится, что стихотворения написаны в один год, настолько однородны они по содержанию, созвучны в тональности.

Определённо, произведения в начале книги звучат в одной минорной гамме, определённо, объединены темой погружения в себя; лирическая героиня рассматривается в стадии одиночества, она один на один в столкновении с уникальными психологическими трудностями. Что это, состояние покинутости всеми и вся – типичное, неизжитое (?) подростковое, которое выражается подчёркнутой умудрённостью знаний о человеческой природе на фоне некоторой небрежности высказываний этой умудрённости?

Отчасти возникает и это впечатление. Оно, правда, не доминирует, ибо героиня прозревает и подлинную человеческую уникальность – сознаёт и говорит, что она в «ладони Бога». А Бог не выдаст. Это верно, это даёт силу, и она чувствуется в голосе Екатерины Дедух.

Однако стоит помнить, что в надежде на Него надлежит и самому не плошать. Кажется, она помнит:

Проработав над словом
внимательно столько лет,
Очищая его от примесей, ото лжи,
Понимать начинаешь,
что главного в слове нет,
И – хоть жизнь положи –
в слово этого не вложить,
Даже если сумеешь
до самых глубин дойти…

При этом в стихах нередко встречаются результаты невнимательного отношения к слову.

«Смысл вынула прочь – точно лампочку из ночника – / Из живого момента?». Прочь можно прогнать, смысл – извлечь; кроме того, вынуть прочь – тавтология, и здесь она не превращается в художественный элемент. Может быть – *вынула напрочь*?

«Стынет, точно смола, вечер жаркий и терпкий». Стынет – это о холодном, зябком. Здесь (сознательно ли, нет?) возникает оксюморон – стынет жаркий. А в стихотворении речь об остывании – затвердении, окаменении, что происходит со смолой в процессе превращения в прозрачный камень. *Остывает смолою вечер жаркий и терпкий* – возможно, так было бы точнее?

В стихотворении «Светлячок одиночества…» «Чтобы он (светлячок – *А.М.*), потревоженный, снова не канул вдали». Устойчивые сочетания – кануть в воду, кануть в Лету… То есть, не где, а в чём. Если для рифмы необходимо «вдали», тогда, может быть, *Чтобы он, потревоженный, не погаснул вдали*?

В стихотворении «Когда на душу мне находит глухота…» говорится: «…ведь в мелочах основа, / Вокруг которой вновь сомкнётся в горле ком…». Смыкается круг, ком – скатывается, слипается.

Скажете, навязчивый педантизм? Да-да, я знаю, что «ловить поэта в мелочах – византийский педантизм» (*В.Ф. Одоевский*). И всё же. «Ведь в мелочах основа» – не зря же это произносит сама Дедух. К тому же, одни говорят: дьявол в деталях, другие, что в деталях Бог, в любом случае,